

[Тареев М. М.] [Рец. на:] Аггеев К., свящ. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909 // Богословский вестник 1909. Т. 3. № 11. С. 503–512 (2-я пагин.).

II.

Свящ. Константинъ Аггеевъ. Христианство и его отношеніе къ благоустройенію земной жизни. Опыт критическаго изученія и богословской оцѣнки раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христианства. Кіевъ, 1909.

Только-что вышедшая книга свящ. К. Аггеева интересна по изложенію и глубоко поучительна по тѣмъ богословскимъ выводамъ, къ которымъ она приводитъ. Авторъ останавливаетъ вниманіе читателей на Леонтьевѣ, какъ на религиозномъ типѣ, какъ на выразителѣ опредѣленнаго пониманія христианства, и путемъ критики его религиознаго міровоззрѣнія обосновываетъ истинное пониманіе христианства.

Широта и возможность положительной стороны этой богословской работы находятся въ прямой зависимости отъ религиознаго значенія Леонтьева и его судьбы.

„Леонтьевъ огромный и тяжелый вопросъ для всякаго христианина и особенно для сына Православной Церкви“. „Этотъ религиозный мыслитель важенъ, страшенъ и соблазнитель“.

Религиозный характеръ Леонтьева складывается изъ слѣдующихъ чертъ: 1) крайній эстетизмъ, 2) эстетическое преклоненіе предъ государственнымъ абсолютизмомъ, 3) сочетаніе государственнаго абсолютизма съ православіемъ, какъ его опорой, и 4) аскетически-монашеское пониманіе христианства.

Если мы, опуская посредствующія звенья, соединимъ эстетизмъ, съ котораго Леонтьевъ началъ, которымъ онъ по видимому пожертвовалъ христианству и который онъ на самомъ дѣлѣ удержалъ до конца своихъ дней,—если мы этотъ эстетизмъ соединимъ съ монашествомъ, которымъ Леонтьевъ кончилъ, то мы получимъ такую формулу: „въ душѣ Леонтьева атеистъ-язычникъ жилъ совместно съ искреннимъ монахомъ Православной Церкви“. Леонтьевъ носилъ въ

своей душѣ трагическій разрывъ. И собственная попытка Леонтьева свести въ концѣ концовъ свои „нестерпимо-сложныя потребности“ къ одной—религіозной не только не уничтожаетъ этого разрыва, а усиливаетъ его. Вѣра Леонтьева въ Православную Церковь не имѣла корней въ его природѣ: его религія была глубоко-насильственнымъ актомъ. И принеся въ жертву вѣрѣ все то, въ чемъ видѣлъ онъ истину, Леонтьевъ по законамъ психологіи (стихійно-природное сильнѣе искусственнаго...) долженъ былъ и дѣйствительно превратить побѣдителя въ побѣжденнаго: христіанская религія въ усвоенной Леонтьевымъ формѣ носить на себѣ печать его душевныхъ противорѣчивыхъ переживаній...

Въ этомъ видѣ Леонтьевъ, конечно, заслуживаетъ полного вниманія православныхъ богослововъ.

Эстетомъ Леонтьевъ былъ самымъ крайнимъ—въ духѣ Ницше.

„Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы—самая холодная, прозаическая и вдобавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій“. „Прогрессивныя идеи грубы, просты и всякому доступны. Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ. Люди высокаго ума облагораживали ихъ своими блестящими дарованіями; сами же идеи по сущности своей не только ошибочны, онѣ грубы и противны. Благоденствіе земное вздоръ и невозможность; царство равномѣрной и всеобщей человѣческой правды на землѣ—вздоръ и даже обидная неправда, обида лучшимъ“. „Стыдно было бы за человѣчество, если бы этотъ подлый идеаль всеобщей пользы, мелочнаго труда и позорной прозы восторжествовалъ навѣки“. „Для того, кто не считаетъ блаженство и абсолютную правду назначеніемъ человѣчества на землѣ, нѣтъ ничего ужаснаго въ мысли, что миллионы русскихъ людей должны были прожить цѣлые вѣка подъ давленіемъ трехъ атмосферъ—чиновничьей, помѣщичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкинъ могъ написать Онегина и Годунова, чтобы построили Кремль и его соборы, чтобы Суворовъ и Кутузовъ могли одержать свои національныя побѣды. Ибо слава... ибо военная слава... да, военная слава царства и народа, его искусство и поэзія—факты. Это реальныя явленія дѣйствительной природы; это цѣли достижимыя и

вмѣстѣ высокія. А то безбожно-праведное и плоско-блаженное челоѣчество, къ которому вы исподволь и съ разными современными ужимками хотите стремиться, такое челоѣчество было бы гадко, если бы оно было возможно". „Европейская мысль поклоняется челоѣку потому только, что онъ челоѣкъ. Поклоняться она хочетъ не за то, что онъ герой или пророкъ, царь или геній. Нѣтъ, она поклоняется не такому особому и высокому развитію личности, а просто индивидуальности всякаго челоѣка, и всякую личность желаетъ сдѣлать счастливою, равноправною, покойною, надменно-честною и свободною. Это-то исполненіе всечелоѣческой равноправности и всечелоѣческой правды, исходящей не отъ положительнаго вѣроисповѣданія, а отъ того, что философы зовутъ автономной нравственностью, это-то и есть ядъ, самый тонкій и самый могучій изъ всѣхъ столь разнородныхъ заразъ, разлагающій постепеннымъ дѣйствіемъ своимъ всѣ европейскія общества". „Не долженъ зоологъ увѣрять, что нѣтъ уже на свѣтѣ ни золотыхъ фазановъ, ни орловъ, ни пантеръ и красивыхъ полосатыхъ зебровъ, оттого, что онъ срисовать ихъ не умѣетъ, или считать ихъ неизящными и въ самомъ дѣлѣ ненужными только потому, что временныя заблужденія утилитаризма признали полезными для челоѣчества только мирныхъ и грубоватыхъ скотовъ: лошадей, коровъ, ословъ, овецъ и свиней". „Все хорошо, что прекрасно и сильно: будь это святость, будь это развратъ, будь это революція, все равно. Люди не поняли еще этого. Стоитъ только большинству пріобрѣсти *хорошій вкусъ, эстетическій взглядъ на жизнь* и послушать его проповѣди, то жизнь наполнится еще новымъ, несслыханнымъ разнообразіемъ блага и зла, всякихъ антитезъ и всякой поэзій, начиная отъ идилліи „старосвѣтскихъ помѣщиковъ" и кончая трагизмомъ народныхъ мятежей". „Прекрасное—вотъ цѣль жизни, и добрая нравственность и самоотверженіе *цѣнны только, какъ одно изъ проявленій прекраснаго*"...

Изъ этихъ выдержекъ съ полною ясностью выглядываетъ эстетизмъ Леонтьева. Но если послѣдовательный эстетизмъ былъ въ Леонтьевѣ природно-стихійнымъ началомъ, то какъ же Леонтьевъ могъ придти къ христіанству? Что онъ видѣлъ въ христіанствѣ?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ нужно различать двѣ сто-

роны въ его концепціи христіанства—эстетическую и религиозную. Христіанство Леонтьевъ, прежде всего, воспринималъ эстетически. И при этомъ нужно имѣть въ виду, что Леонтьевъ упорно не зналъ и не признавалъ евангельскаго христіанства. „Христіанство первыхъ вѣковъ—слишкомъ молодое деревцо, которое еще не цвѣтетъ и плодовъ не приноситъ“. Леонтьевъ зналъ и признавалъ христіанство разившееся и усовершенствованное въ византійскомъ православіи. И вотъ—для него идеаль византійскаго православія совпадалъ съ эстетическимъ міровоззрѣніемъ, съ его отвращеніемъ къ эгалитарному процессу, къ уравнительному европеизму. Оцѣнивая эстетически русскую исторію, русскую самобытность, Леонтьевъ подходилъ къ православію. „Сильны, могучи у насъ только три вещи: Византійское православіе, родовое и безграничное самодержавіе и, можетъ быть, нашъ сельскій поземельный бытъ“. Съ этой (эстетической) стороны православіе представлялось Леонтьеву опредѣленной величиной. „Представляя себѣ мысленно Византизмъ, мы видимъ предъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, что Византизмъ въ Государствѣ значитъ—самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ Христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ Западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что Византійскій идеаль не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ превеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію Германскимъ феодализмомъ; знаемъ склонность Византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьи, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что Византизмъ (какъ и вообще Христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ, что онъ есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства“. Съ этой же стороны Леонтьевъ подходилъ и къ монашеству, оцѣнивая его въ качествѣ совершеннѣйшей формы византійскаго православія. „Монахъ уже тѣмъ однимъ хорошъ—любитъ повторять Леонтьевъ—что онъ не вѣритъ въ правду на землѣ и въ про-

грессъ. Монахи всё *пессимисты* относительно европеизма, свободы, равенства и вообще относительно земной жизни человечества“.

Но у Леонтьева мы видимъ и другое отношеніе къ христіанству—религіозное. Дѣло очевидное, что византійскимъ православіемъ, какъ его поималъ и цѣнилъ Леонтьевъ, не исчерпывается христіанство, что лежащую за эстетическимъ византизмомъ своею глубиною христіанство враждебно эстетизму. И эта враждебность христіанства дорогому для Леонтьева эстетизму образуетъ единственную основу религіознаго отношенія его къ христіанству. Эта концепція христіанства выразилась въ слѣдующихъ „афоризмахъ“ Леонтьева. 1) „Если видимое разнообразіе и ощущаемая интенсивность жизни (т. е. ея эстетика) суть признаки внутренней *жизнеспособности* человечества, то уменьшеніе ихъ должно быть признакомъ *устарѣнія* человечества и его близкой смерти (на землѣ). 2) Болѣе или менѣе удачная повсемѣстная проповѣдь христіанства должна неизбежно и значительно уменьшить это разнообразіе (прогрессъ же, столь враждебный христіанству *по основамъ*, сильно вторитъ ему въ этомъ *по вѣнкости*, отчасти и *поддѣлываясь* подъ него. 3) Итакъ, и христіанская проповѣдь, и прогрессъ европейскій совокупными усиліями стремятся убить *эстетику* жизни на землѣ, т. е. *самую* жизнь. 4) И Церковь говоритъ: *конецъ приближится, когда Евангеліе будетъ проповѣдано вездѣ*. 5) *Что же дѣлать?* Христіанству мы должны помогать, даже и въ ущербъ любимой нами эстетики, изъ *трансцендентнаго* эгоизма, по страху загробнаго суда, для спасенія нашихъ собственныхъ душъ, но прогрессу мы должны, гдѣ можемъ, противиться, ибо онъ одинаково вредитъ и христіанству, и эстетикѣ“.

Необходимо сейчасъ же отмѣтить внутреннее противорѣчіе, на которое мы наталкиваемся въ этихъ афоризмахъ и которое указывается авторомъ реферлируемой нами книги. Эстетика жизнь. Христіанство вредитъ эстетикѣ. *Иgitur...* мы должны помогать ему для спасенія нашей души. Эстетика жизнь. Прогрессъ вредитъ эстетикѣ. *Иgitur...* мы должны противиться ему.

Противорѣчіе это, однако, выражаетъ самое существо религіозной жизни Леонтьева. Онъ пережить религіозный

переломъ, вслѣдствіе котораго онъ теоретически оставляетъ свой эстетизмъ и усваиваетъ христіанское міровоззрѣніе, а практически—бросаетъ дипломатическую карьеру и идетъ въ (тайные) монахи. Внѣшніе это былъ полный переворотъ, который свидѣтельствуешь о Леонтьевѣ какъ о „цѣльной личности“. Но насъ интересуетъ внутренняя сторона дѣла. И оказывается, что внутренняго перерожденія онъ не испытать, такъ какъ красота по прежнему осталась для него высшимъ благомъ, и теперь, ставъ христіаниномъ, онъ чувствовалъ ее въ качествѣ высшаго блага. Въ чувствахъ его ничто не измѣнилось. Онъ жертвовалъ красотой христіанству по чисто внѣшнимъ соображеніямъ, такъ что христіанство ничѣмъ не замѣняло для него этого внутренняго блага и было для него крайнимъ принужденіемъ. Стоитъ перечитать афоризмы Леонтьева—справедливо пишетъ о. К. М. Аггеевъ—чтобы убѣдиться, что, по духу заключающагося въ нихъ ученія, вся правда для земной жизни на сторонѣ эстетики. Христіанство вредитъ эстетикѣ. Слѣдовательно... христіанству мы будемъ и должны помогать *вопреки правдѣ*, только по „трансцендентному эгоизму“. Но вѣдь это—распятіе, распятіе не „плоти своей съ ея страстями и похотями“, а той стороны своего существа, въ которой—страшно сказать! истина?!.. Больно, „да мало-ли что! Христіанское ученіе иногда весьма сурово и страшно, что дѣлать! Но разъ *безбоязненно и безусловно* принятое по *простому и старому катихизису* (одобренному *Св. Синодомъ*—да! да!), оно даетъ такія мощныя опоры, такія удивительныя утѣшенія (*новейши* иногда даже и для бѣднаго, многострадальнаго самолюбія нашего), какихъ никакая другая философія дать не можетъ“. Въ этомъ отношеніи судьба Леонтьева напоминаетъ собою „картину послѣднихъ дней Гоголя, когда Гоголь подъ вліяніемъ по своему понятаго религіознаго долга сжигаетъ въ темной комнатѣ, освѣщенной лишь зловѣщимъ пламенемъ камина, свое безсмертное произведеніе и, вмѣстѣ съ нимъ, всю свою художественную дѣятельность, мало того—самого себя, творца гениальныхъ твореній“.

Эстетизмъ Леонтьева уступалъ христіанству, не перерождаясь, уступалъ лишь силѣ. Поразительна ясность, съ которою Леонтьевъ сознавалъ это. „Юлій Цезарь былъ гораздо безнравственнѣе Акакія Акакіевича и даже Скобелевъ былъ

несравненно развратнѣе многихъ современныхъ намъ „честныхъ тружениковъ“, и если у вспомнившаго эти факты есть эстетическое чувство, то что же ему дѣлать, коли невозможно отвергнуть, что въ Цезарѣ и Скобелевѣ въ тысячу разъ больше поэзіи, чѣмъ въ Акакіи Акакіевичѣ и въ самомъ добромъ и честномъ сельскомъ учителѣ. Какъ быть? Возненавидѣть эстетику? Притвориться изъ нравственныхъ мотивовъ, что не видишь ее? Презирать мораль? Невозможно ни то, ни другое, ни третье“. Спасаетъ только положительная вѣра. „(она не нуждается во лжи и притворствѣ: да, это изящно, сильно, эстетично, но это не душевспасительно... Когда страстную эстетику побѣждаетъ духовное (мистическое) чувство, я благоговѣю, я склоняюсь, чту и люблю“... Такъ писалъ Леонтьевъ въ старости.

Религія, религіозность Леонтьеву представлялась принужденіемъ, самымъ крайнимъ принужденіемъ по мотивамъ „трансцендентнаго эгоизма“, загробнаго душевспасенія. Полное принужденіе, полное самоотреченіе ума, самоотреченіе воли. Въ отношеніи религіозно-теоретическомъ Леонтьевъ неустанно повторяетъ принципъ: *credo, quia absurdum*. И въ отношеніи практическомъ христіанство для него—всецѣлое отреченіе отъ своей воли, всецѣлое послушаніе. Съ этой стороны онъ снова оцѣниваетъ монашество какъ самый яркій „цвѣтъ христіанства“. Вся сущность христіанства—въ послушаніи, доходящемъ до полного отказа отъ своей воли, отъ своего разума; греческіе монастыри, въ которыхъ вся организація основывается на послушаніи, являются идеаломъ устройства земной жизни. Леонтьевъ такъ и представлялъ жизнь человѣчества, какъ кооперацію монастырскихъ общинъ. Всѣ другія формы жизни—не организованное монашество—являются съ христіанской точки зрѣнія лишь подготовительными ступенями. Если монастырь служитъ „цвѣтомъ христіанства“, то въ самомъ монастырѣ высшимъ выраженіемъ является институтъ старчества. Старецъ—неограниченный водитель совѣсти человѣка, и „его плохой совѣтъ должно предпочитать своему болѣе доброму и хорошему, но своевольному поступку“.

Идеаломъ церковнаго строя Леонтьеву представлялось католичество, и въ этомъ отношеніи его мысль совпадала

съ богословскими тенденціями Соловьева. Его симпатіи были не на сторонѣ старца Зосимы, а на сторонѣ Великаго Инквизитора. Всѣ религиозныя представленія группировались для Леонтьева по уклону юридизма...

Легко отсюда понять всю религиозную систему Леонтьева, который во главу религиозной жизни ставилъ страхъ и принужденіе и не давалъ въ ней мѣста любви. Легко понять, чего Леонтьеву недоставало въ его усердной практикѣ: ему недоставало христіанской мистики, внутренняго опыта христіанскаго блаженства. Чтобы вполне отгнать эту мысль, мы должны подчеркнуть обстоятельство, уже отмѣченное раньше. Зная о конфликтѣ между христіанствомъ и эстетизмомъ и повидимому жертвуя первому послѣднимъ, Леонтьевъ въ дѣйствительности остался эстетомъ до послѣднихъ дней своей жизни. Сравнивая его судьбу съ судьбою Гоголя, рецензируемый нами авторъ вѣрно замѣчаетъ: „Есть и разница. Гоголь свою художественную душу несъ на алтарь неправильно понятой вѣры. Леонтьевъ—самъ того не вѣдая—жегъ христіанство, которому онъ хотѣлъ отдать самого себя безраздѣльно“.

Эстетизмъ, сохраняясь въ душѣ Леонтьева, дѣлалъ въ ней религиозную пустоту, мѣшалъ ему постигнуть внутреннюю сторону христіанства. Въ частности онъ до послѣднихъ дней удержалъ эстетико-политическій взглядъ на христіанство, какъ на опору самодержавія. Сюда, затѣмъ, еще присоединилось его эстетическое обрядовѣріе. „И зналъ—пишетъ Леонтьевъ—невѣрующихъ людей или полувѣрующихъ, которые приходили въ восторгъ отъ „поззи“ Авона, отъ его своеобразнаго устройства, отъ самихъ монаховъ—и греческихъ, и болгарскихъ, и русскихъ“. Этими сторонами исчерпывались положительныя впечатлѣнія Леонтьева отъ христіанства, и онъ только подчеркиваютъ отсутствіе специфическаго содержанія въ религіи этого „невѣрующаго монаха“.

Я не буду излагать религиозной системы Леонтьева и довольно основательной критики, которой подвергаетъ ее авторъ. Я приведу заключительное резюме этой критики.

К. Н. Леонтьевъ—пишетъ о. К. М. Аггеевъ—своей системой подводитъ къ кругу христіанскихъ идей, но не вводитъ

въ него; самое центральное въ нашей религіи—Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ, объединившій въ Своемъ лицѣ Бога и Человѣка и тѣмъ искупившій его отъ вѣчной смерти, остался невѣдомъ нашему религіозному мыслителю.

Ограниченность религіознаго міропониманія у К. Н. Леонтьева дѣлается прямымъ религіознымъ преступленіемъ, когда онъ свою религіозную доктрину настойчиво до фанатизма выдаетъ за подлинное христіанство, самымъ рѣзкимъ образомъ осуждая ниня пониманія его.

„Не столько атеисты—враги Христа, сколько такія лица, какъ Вы, которые неправильнымъ толкованіемъ Его словъ компрометируютъ христіанство“, сказала жена П. С. Аксакова К. Н. Леонтьеву... Мы имѣемъ другой фактъ изъ русской жизни, наводящій на ту же самую мысль. „Усердно молю Бога, писалъ К. Н. Леонтьевъ В. В. Розанову изъ Оптиной пустыни, чтобы вы поскорѣ переросли Достоевскаго съ его „гармоніями“, которыхъ никогда не будетъ, да и не нужно. Его монашество сочиненное. И ученіе о Зосимѣ—ложное и весь стиль его бесѣдъ фальшивый. Помогите вамъ Господь милосердый поскорѣ вникнуть въ духъ реально-существующаго монашества и проникнуться имъ“. Въ 1903 году В. В. Розановъ на эту молитву пишетъ свой отвѣтъ. „Вся Россія, говоритъ онъ, удивлялась и умчялась благости Зосимы. „Не нашъ онъ, не нашъ онъ!“ восклицаетъ Леонтьевъ отъ имени православнаго монастыря. „И правда не ваша“, отвѣчаю и беру Зосиму въ охапку и выношу его, а съ нимъ и все его богатство,—за стѣны тихихъ обителей“. Все теперешнее,—не антицерковность, даже антихристіанство В. В. Розанова прошло чрезъ К. Н. Леонтьева, и первый не можетъ быть понятъ безъ второго въ своей литературной дѣятельности послѣдняго десятилѣтія... И конечно, если правъ К. Н. Леонтьевъ въ своемъ пониманіи христіанства, то понятенъ и В. В. Розановъ въ своихъ упрекахъ той религіи, отъ которой, по его выраженію, „міръ прогоркль“.

К. Н. Леонтьевъ своей религіозной системой—ясное предостереженіе для всѣхъ, кто учитъ о Христѣ въ его пониманіи. И не говорите, что К. Н. Леонтьевъ одинокъ въ своемъ религіозномъ заблужденіи. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ типиченъ. И пусть исповѣдающіе его вѣру знаютъ,

что они служатъ чему хотите: ветхозавѣтной религiи или простому эстетизму формы, но только не Господу Иисусу Христу...

Къ этимъ послѣднимъ выводамъ рецензентъ вполне присоединяется. П кратко изложивъ интересное и важное содержанiе книги свящ. К. М. Аггеева, онъ надѣется, что далъ ей лучшую и безспорную рекомендацiю.
